

предисловие редактора

Книга, которую вы держите в руках, — веха нового периода в мысли Люка Болтански, обычно отсчитываемого с даты публикации книги „De la critique“ (вышла в 2009 г., переведена на английский язык в 2011 г.). В отличие от того чисто теоретического трактата, эта книга о тайнах, заговорах и секретных операциях стала первой демонстрацией приложения сети категорий, впервые систематически изложенных в книге «О критике» — таких как противопоставление «реальности» и «мира», — для анализа современности. Потому нам показалось более интересным сначала перевести для российского читателя это «прикладное эссе», тем более что основной эмпирической базой для него послужили знакомые самой широкой аудитории тексты — детективы о Шерлоке Холмсе и комиссаре Мегрэ или шпионские романы (про Джона Бакена в России знают мало, но кто не читал Грэма Грина или Джона Ле Карре?).

Несмотря на кажущуюся легкость анализируемого материала, книга эта серьезна, и вот почему. Во-первых, она ознаменовала серьезное напряжение между Болтански и Тевено, двумя основными теоретиками подхода «прагматической социологии критики» и соавторами классического труда „De la justification“ (1991), переведенного на русский язык под названием «Критика и обоснование справедливости» (2013). Если в секции благодарностей книги «О критике» имя Тевено просто не упоминается, в «Тайнах и заговорах» делается следующий шаг: прагматический

поворот французской социологии после Бурдьё (чем раньше и занимались Болтански и Тевено вместе) анализируется как всего лишь одно из направлений развития социальной мысли после Второй мировой войны, не более и не менее удачное в преодолении того, что Болтански в шестой главе называет «проклятием Карла Поппера». Таким образом, больше не утверждается особенность прагматического подхода как дающего исключительно правильный доступ к истине.

Во-вторых, эссе про тайны и заговоры серьезно, так как выходит на вопросы теории государства, с которыми, как пишет Болтански в своем предисловии к книге, он никогда не мог адекватно справиться — вернее, «старательно избегал, поскольку не только не знал, как их решить, но и не мог сформулировать»*. Действительно, исследования Болтански поражают своим разнообразием — еще в рамках школы Бурдьё он исследовал, как прививается классовая мораль в детских садах или как семейные и личные фотографии воспроизводят реальность группы; потом — как была создана новая социoproфессиональная категория французской статистики *les cadres*, «управленцы», и социальная группа, соответствующая ей; потом анализировал письма о вопиющей несправедливости, которые получает отдел писем газеты *Le Monde*; потом исследовал любовь и справедливость как практические способности или навыки; то, как работает оправдание и сострадание на страницах СМИ; ну и наконец, «новый дух капитализма» и соответствующий ему новый — «проектный» — дух производства индивидуальной жизни, как он определил стилистику подтверждения права эмбриона стать уникальным человеком в своей книге по социологии абортгов. Но все эти темы лишь маргинально касались темы национального государства — того, что по-английски определяется как *nation-state*, а по-французски как *État-nation*. «Тайны и заговоры» наконец стали заниматься этой темой, скажем так, влобовую.

В-третьих, книга «Тайны и заговоры» особенно серьезна еще и потому, что анализирует то, чем работа социолога в своем практическом измерении отличается от того, что делают в сборе, переработке

* С. 42 наст. изд.

и анализе информации журналисты, полиция или разведка. Во французском языке то, чем все эти профессии занимаются, можно назвать *enquête* — да и одно из орудий социологии так и называется, «анкета», — потому книга имеет подзаголовок „Une enquête à propos d'enquêtes“ («Исследование по поводу исследований»), что подразумевает методологическое размышление.

Правда, в русском языке с помощью однокоренных слов можно попытаться разграничить разные способы этого *enquête*. Так, можно настаивать, что ученые-социологи занимаются исследованиями, работники СМИ — журналистскими расследованиями, полиция — уголовными расследованиями или *следствием*, а контрразведка, когда ведет наружное или электронное наблюдение за подозреваемыми в шпионаже, т. е. идет по следам подозреваемых или следит за ними, — занимается *слежкой*. С помощью недавнего неологизма можно сказать, что всё это — типы «квеста», когда мы идем по следам, которые оставил феномен*.

* * *

Рассмотрим эти три причины серьезно относиться к книге «Тайны и разговоры» по порядку. Во-первых, надо сказать несколько слов про перемены в теории. Вторая глава книги Болтански «О критике» подчеркивала, что отход от критической социологии Бурдьё и развитие в противовес ей в 1980–1990-е гг. прагматической социологии критической способности человека были предприняты для того, чтобы всё же в конце концов вернуться к критической социологии, но на новом уровне, сделать ее более эффективной. Болтански предпринял, как он пишет, *un detour de production*, чтобы оживить критику, лучше привязав ее

* «Квест» — термин, пришедший из игрового мира, когда группа игроков по следам, тщательно замаскированным в городе или специальном помещении организаторами игры, пытается найти искомый феномен. В русском языке этот термин является калькой с англоязычного, напрямую этимологически связанного с французским *enquête*.

к реальности^{*}. Для этого ему пришлось обратиться к «самим вещам», т. е. к стратегиям аргументации и оправдания в повседневных спорах о справедливости.

В критической социологии Бурдьё три вещи были неудовлетворительными, согласно Болтански. Первым элементом было то, что господство определялось слишком расплывчато, потому критика видела господство везде. И если социолог говорил респонденту, что, например, его якобы любовь на самом деле предопределена высоким социальным статусом его возлюбленной, то он 1) обижал респондента и 2) утверждал, что тот не понимает, что над ним господствуют социальные силы. То, что люди не понимают факта, что над ними господствуют, приходилось объяснять через идеологическое одурманивание или через «символическое насилие» — феномен, центральный для социологии Бурдьё, который люди в повседневной жизни, однако, почти не замечали или замечали совсем не в той же мере, как очевидное физическое насилие.

Вторым неудовлетворительным аспектом социологии Бурдьё было то, что социолог выглядел как Бог, знающий всю истину жизни, а людям, которых он описывал и которые тоже постоянно задействовали свои критические способности в повседневных спорах, социологи отказывали в обладании такой критической способностью, считая ее способностью низшего уровня. Внимание к самоописаниям акторов в повседневной жизни было минимально: ведь надо было просто разоблачить высшую реальность господства, проявляющуюся в этих описаниях. Ну и в-третьих, школа Бурдьё игнорировала реальные аспекты ситуаций, в которые были погружены акторы, и вместо этого утверждала,

* Luc Boltanski, *On Critique. A Sociology of Emancipation*, Cambridge: Polity, 2011, p. 23–24 (я буду ссылаться на английский перевод, более доступный российскому читателю; во французском издании 2009 г. см. с. 47). Сам этот термин позаимствован у Бем-Баверка и Хайека: «Отклонение от производства» — это обходной манёвр, когда надо забрать часть капитала из основного производства, чтобы построить новый способ добычи ресурса более эффективным способом. Например, вместо того чтобы ходить к колодезю напиться, деревенский житель может вложить часть своих средств в производство тележек и бочки и возить запасы воды к себе, или — если вложить еще больше средств — может построить водопровод к своему дому, что в конце концов принесет ему больше прибыли за счет экономии на походах за водой.

что господство идет через инкорпорированные, т. е. встроенные в тело, predispositions (или предрасположенности) к определенному поведению — вместе обобщенные в понятии габитуса. Правда, в результате такой концептуализации человек действительно становился «агентом» интериоризованных в его сознании или воплощенных в его плоти структур и исчезала проблема спонтанности или свободы действия в повседневной жизни, а именно этот ее аспект лучше всего схватывается терминном «актор»*.

Социология критической способности, развивавшаяся Болтански—Тевено и сотрудниками руководимой ими *Groupe de sociologie politique et morale* при Высшей школе социальных наук в Париже, попыталась описать критические способности обычных людей, проявляющиеся в их повседневных спорах, с особым вниманием к деталям этих ситуаций. Причем эти критические способности не рассматривались как нечто менее изощренное, чем критические способности социолога школы Бурдьё. Правда, статус прагматической социологии критики больше напоминал лингвистику, чем прескриптивную науку, замечает Болтански: прагматический поворот описывал часто нерелефлируемые практики оспаривания и оправдания, так же как лингвистика описывает речевые практики. Это дает описание некоторого практического навыка; стандартом же успеха описания является приемлемость его для тех, кто практикует эти навыки. Не взгляд сверху, а взгляд изнутри сообщества дает понимание того, как оно функционирует в конкретных ситуациях повседневной жизни.

Но статья основой радикальной социальной критики, согласно Болтански, этот подход сам по себе не способен. С одной стороны, описывая отдельные ситуации повседневного спора по поводу какой-либо несправедливости, социолог может встать на сторону самих акторов, и это устраняет проблему релятивизма в данной ситуации: социолог занимает позицию описываемого сообщества. Но прагматическая социология не дает возможности выйти на метауровень и заметить несправедливость реальности в целом, а не конкретной ситуации здесь и сейчас.

* Luc Boltanski, *On Critique*, p. 22–23.

Проблема в том, что акторы повседневного действия реалистичны, замечает Болтански, и они не будут оспаривать все устройство миров оправдания (здесь не победишь); они лишь будут нападать на те случаи несправедливости в данном конкретном мире оправдания действия, где они имеют шансы выиграть.

Эта реалистичность поддерживает господствующую реальность. Например, официант в парижском кафе не будет критиковать тот факт, что он не живет, как университетский профессор, если только ему не приходится работать официантом, потому что его, например, уволили из университета с преподавательской позиции в результате расовой или гендерной дискриминации. Сама структура жизненных шансов в современной Франции, когда те, кто выигрывает в жизни, выигрывают вновь и вновь, а те, кто проигрывает, проигрывают вновь и вновь, не ставится здесь под вопрос. Чтобы поставить такой вопрос, нужна радикальная критика реальности, а прагматическая социология критики на нее не способна. Потому надо вернуться к критической социологии, но на новом витке обсуждения — с учетом уроков прагматического поворота.

Итак, с одной стороны, критическая социология до сих пор изображала господство слишком всеобъемлюще и общо, игнорируя самопонимание акторов и их критические способности в повседневной жизни, превращая этих акторов тем самым в простых агентов структур. С другой стороны, прагматическая социология критики, хоть и бережно реконструировала эти способности и понимание акторами ситуаций, куда они вписаны, пока не дает возможности метакритики реальности как господства.

Такой подход Болтански можно было бы назвать симметричным. Если в 1980–2000-е гг. прагматический поворот описал и проанализировал критические способности как обычных людей, так и социологов (имеющих квалификационные звания и степени социологов) как разные степени общечеловеческой способности к критике, т. е. описал критическую социологию с точки зрения прагматического поворота, то теперь задачей стало описание прагматического поворота с точки зрения

критической социологии. Что знание, данное нам прагматическим поворотом, дает для критики существующего и для движения вперед? На каком уровне знание, полученное исследованиями повседневных практик критики, может быть вписано в задачи критики существующих несправедливостей метауровня?

Надо заметить, однако, следующую опасность. Если описывать теоретический манёвр Болтански, предпринятый в «О критике», как такое честное требование симметричности, то можно легко скатиться к описанию позиции, занятой Тевено в ответ на это предложение Болтански, как ортодоксальной, т. е. как к стойкой приверженности принципам прагматического поворота и к отказу возвращаться на позиции Бурдьё. Но это будет неверно. Во-первых, Болтански не предлагает вернуться к чистому Бурдьё. Во-вторых, Тевено в эссе, написанном специально для тома, посвященного многолетнему творчеству Болтански (включая десятилетия их совместной работы), указал на точку расхождения в их теоретизировании и заметил, что его концептуализация режимов задействованности или вовлеченности (*regimes d'engagement*), которая выросла из общей работы над „*De la justification*“, возможно, дает больше для метакритики, чем нынешний призыв Болтански.

Так, например, он пишет: «Множественность форматов „маркирования“ задействованной реальности на уровне ниже институциональных или символических форм позволяет нам расширить и углубить критическую социологию господства»*, что может быть прочитано как: «Люк описывает „реальность“ теперь как чисто институциональную или схваченную языком; мои же описания разных режимов задействованности, например, *regime de familiarité* (режима близости, когда, к примеру, находишься в своей комнате один), показывают, что господство может быть проведено и долингвистическими или доинституциональными средствами». Тевено указывает, что при хорошем знании наиболее

* Laurent Thevenot, *Enlarging Conceptions of Testing Moments and Critical Theory: Economies of Worth, On Critique, and Sociology of Engagements*, in: Simon Susen, Bryan S. Turner (eds.), *The Spirit of Luc Boltanski. Essays on the „Pragmatic Sociology of Critique“*, London: Anthem Press, 2014.

личного, интимного жизненного пространства другого можно так его переструктурировать, что начать господствовать и без всякого посредства языка или институтов*.

А точкой первоначального расхождения для их последующего теоретизирования стало не до конца определенное понятие «образцового испытания» или «великого момента»**, т. е. французское *épreuve modèle* или английское *model test*. По мнению Тевено, амбивалентность данного понятия по отношению к основному понятию «испытания или теста реальности» привело к тому, что Люк интерпретировал его на базе своих эмпирических примеров из книги „*Les cadres*“ и потому в книге «О критике» был вынужден уже четко отграничить тест реальности от теста истины и экзистенциального теста. Лоран же развил концепцию образцового испытания на основании своей статьи „*L'action qui convient*“ (1990) и трудов по анализу кодификации, что привело к становлению классификации разных режимов задействованности реальности. Заинтересованным читателям предлагается самим перечитать значимые места «Критики и оправдания справедливости», где упоминаются образцовые испытания в разных мирах оправдания, и оценить, насколько аргументация Болтански или Тевено в поздних работах покажется им более привлекательной или убедительной. Нам же надо перейти к следующей, второй причине серьезности предлагаемой читателю книги.

* Другой пример недостаточной радикальности нынешней метакритической позиции Болтански, с точки зрения Тевено, — это его отношение к языку как к только официальному регистратору или отражению реальности, как к *langue de bois* официоза, а в социологии — как прежде всего к источнику определенных эмпирических данных для доступа к политической метафизике власти. Но, замечает Тевено, Люк писал театральные пьесы и знает, что язык нельзя сводить только к таким функциям. Тевено также приводит примеры из прозы Андрея Платонова, чтобы показать важность многозначного использования языка для противостояния господству (Laurent Thevenot, *Enlarging Conceptions of Testing Moments and Critical Theory*).

** Люк Болтански, Лоран Тевено, *Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии грядов*, М.: ИЛО, 2013, с. 228.